

Алексанян Нелли Арушановна

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922 ГГ.)

В статье изучаются становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917-1922). Исследуются характеристика и обеспечение личного состава, взаимодействие с органами власти, рассматривается степень доверия населения к милиции. Отмечаются субъективные и объективные факторы, негативно отразившиеся на ее деятельности. Работа раскрывает зависимость советской милиции от источников финансового и материального обеспечения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 16-27. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)“1917-1922”(470.324)

Исторические науки и археология

В статье изучаются становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917-1922). Исследуются характеристика и обеспечение личного состава, взаимодействие с органами власти, рассматривается степень доверия населения к милиции. Отмечаются субъективные и объективные факторы, негативно отразившиеся на ее деятельности. Работа раскрывает зависимость советской милиции от источников финансового и материального обеспечения.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; общественный порядок; милиция; уголовный розыск; кадры; преступность.

Александия Нелли Арушановна

*Воронежский государственный педагогический университет
edelweis65@yandex.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922 ГГ.)[©]

В современной России одной из наиболее сложных и злободневных задач является оптимизация органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в соответствии с запросами общества.

В связи с этим изучение истории воронежской милиции, как неотъемлемой части российской, анализ и обобщение исторического опыта помогают как можно глубже уяснить сущность ее проблем, чтобы избежать прошлых ошибок.

Исследование базируется на архивных источниках Государственного архива Воронежской области (ГАВО): сводках, отчетах, письмах, информационных материалах государственных органов власти; опубликованных источниках, среди которых важное место занимают нормативно-правовые акты; советские периодические издания, электронные ресурсы сайтов и пр.

Корни процесса становления советской милиции уходят в Февральскую революцию 1917 г. в России. Тогда была провозглашена замена полиции «народной милицией». (Полиция – в переводе с лат. означает «охраняющая власть». Милиция – в переводе с лат. означает «вооруженный народ, охраняющий порядок».) Это означало, что со сломом старой государственной машины, прежде всего, ликвидировались армия и полиция, а их функции переходили к вооруженному народу. В ходе проведения восстания в Петрограде в октябре 1917 г. рабочая милиция формировалась на основе принципа добровольности. Тогда этот принцип и был закреплён большевиками 28 октября (10 ноября) 1917 года в постановлении Народного комиссариата внутренних дел «О рабочей милиции». В нем не предусматривались организационные формы милицейского аппарата [15]. Связано это было, прежде всего, со взглядами большевиков на государственное устройство и «революционную сознательность» народа.

В Воронеже «15 ноября 1917 года ревком снял с поста начальника милиции интеллигентного поручика Мина и назначил большевика Чуева, который стал первым советским начальником воронежской милиции» [17].

Большевики не имели четкого плана строительства органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. В полной мере это относится и к вопросу о финансовом и материальном обеспечении милиции.

В постановлении от 28 октября (10 ноября) 1917 года «О рабочей милиции» прямо не говорится о каком-либо источнике финансирования учреждаемой рабочей милиции. Однако формулировка о том, что «рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» [15], подразумевает, что ее содержание также возлагалось на средства местных Советов, т.е. на средства, которых практически не существовало и статус которых в правовом отношении был определен после принятия Конституции РСФСР в июле 1918 г. В силу того, что формирования рабочей милиции не имели постоянного штата, они носили характер массовых самодеятельных организаций. Члены вооруженных отрядов рабочей милиции, как правило, не получали определенного вознаграждения, за ними сохранялась оплата по месту основной работы. Вскоре реальное положение дел показало руководству нежизнеспособность данного подхода в деле обеспечения общественного порядка в стране.

30 июля – 1 августа 1918 г. на I-м Всероссийском съезде председателей губисполкомов и заведомыми управления исполкомов было принято решение об организации штатной государственной милиции. «Признавая невозможным всеобщее вооружение всего населения в настоящий момент крайнего обострения классовой борьбы как в городе, так и в деревне и ощущение общей нужды на местах в постоянном аппарате, для поддержания революционного порядка, охраны Советской власти и отстояния дорогих завоеваний революции Съезд признает необходимым организацию Советской рабоче-крестьянской милиции» [Там же].

Ценность зарплаты определяет ее покупательная способность. Сопоставим зарплаты с ценами вольного рынка, опубликованными в местной газете в августе 1918 г.: «Яйца достигли 6 руб. 50 коп. за десяток, корчажка молока 7-8 руб., масло сливочное 20 руб. фунт, хлеб чёрный 3 руб. фунт. Картофель имеется в незначительном количестве и продаётся по 1 руб. 50 коп. за фунт» (1 фунт = 409 г – Н. А.) [3, с. 3].

За такое мизерное вознаграждение в милиции могли работать в большинстве своем или идейные романтики, или их антиподы – безыдейные циники.

Таблица 1.

**Проект повышения окладов жалования служащим народной милиции и уголовно-розыскного бюро,
утвержденный исполкомом Борисоглебска 30 сентября 1918 г. [12, д. 3, л. 63 об.]**

Наименование учреждения и должности	Число лиц	Прежний месячный оклад (в руб.)	Проектируемое повышение
Управление народной Сов. милиции	1	475	610
Помощники его	3	425	530
Секретарь	1	425	530
Письмоводители	5	375	450
Регистраторы	2	300	370
Машинисты	2	300	370
Писцы	5	240	330
Ключник	1	250	330
Сторожа	2	235	290
Три участка городской милиции			
Начальник милиции	3	400	500
Помощники его	3	350	450
Письмоводители	3	280	410
Писцы	3	125	290
Старший милиционер	3	250	375

В первые дни существования милиции, в условиях отсутствия четко сформулированных функциональных обязанностей, создавалась почва для ведомственных конфликтов с советскими органами. Милиция, ссылаясь на то, что её делом является только охрана личной и имущественной безопасности, отказывалась участвовать в подавлении контрреволюционных выступлений. Видимо, такие конфликты были нередким явлением, если публично в местной газете в сентябре 1918 г. Народный Комиссар по военным делам «от имени рабочих» предупредил: «... всех милиционеров, продолжающих проявлять такую нейтральность, будут увольнять из милиции» [4, с. 4].

5 октября 1918 г. НКВД РСФСР принимает положение «Об организации Отдела уголовного розыска» для охраны революционного порядка «путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». Этот документ стал юридической основой создания уголовно-розыскной службы в российской милиции [15].

«Первым начальником воронежского губернского розыска был К. М. Журавлев» [17].

12 октября 1918 г. НКВД и НКЮ утвердили Инструкцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», юридически закрепившей создание штатной профессиональной милиции в РСФСР как «исполнительного органа рабоче-крестьянской центральной власти на местах, состоящего в непосредственном ведении местных Советов и подчиняющегося общему руководству НКВД». Согласно Инструкции в губернских, городских и уездных исполкомах Советов создавались соответствующие управления РКМ (рабоче-крестьянской милиции) [15].

«К концу октября 1918 года численность воронежских органов внутренних дел составляла 930 человек» [17].

Инструкция НКВД и НКЮ от 12 октября 1918 г. подтвердила определение окладов содержания работников милиции компетенцией местных Советов [15]. Отсутствие в этот период статистической отчетности не позволяет дать полной характеристики материального положения работников милиции. Однако факты свидетельствуют о том, что материальное обеспечение личного состава милиции было неудовлетворительным.

Таблица 2.

**Список и оклады служащих подотдела советской милиции
Воронежского губисполкома в декабре 1918 г. [5, д. 3, л. 15, 15 об.]**

№	Ф.И.О.	Какие занимают должности	Оклад месячн. жалования		Кем и когда приняты на службу
			руб.	коп.	
ПОДОТДЕЛ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ					
1	Котелевский Михаил Иванович	Начальник милиции	900	-	Член губисполкома
2	Бологов Александр Васильевич	Делопр. 1 разряда	747	-	Колл. губ. отд. Управления переведен из канцелярии губисполкома 1 сентября 1918 г.
3	Володерский Петр Никанорович	Писец 1 разр.	598	50	Колл. губ. отд. Управ. из канцелярии губисполкома 13 сентября 1918 г.
4	Данкова Степанида Ивановна	Машинистка	598	50	Колл. губ. отд. Управления из отдела переписки октябрь 1918 г.
5	Луковская Вильгельмина Антоновна	Регистратор	598	50	Колл. губ. отд. Управления с биржи труда 7 октября 1918 г.
6	Воронков Павел Дмитриевич	Сторож	495	-	Колл. губ. отд. Управл. с биржи труда 7 октября 1918 г.

Оклады повысились по сравнению с сентябрем месяца 1918 г. почти в два раза, но и рыночные цены в условиях Гражданской войны и ухудшающегося экономического положения выросли еще больше.

Отнесение содержания общегосударственной милиции исключительно на средства местного бюджета создало ситуацию, в которой местные органы власти почувствовали себя полными «хозяевами» милиции, что часто приводило к необоснованному вмешательству местных Советов в деятельность милиции.

О межведомственных конфликтах говорилось на совместном Губернском съезде заведующих уездными отделами Управления и заведующих уездными отделами милиции от 23 марта 1919 г. Милиция пожаловалась на то, что советские органы «производят самочинные обыски, аресты и заставляют нередко милиционеров участвовать в своих незаконных поступках». Когда же милиция «запротоколирует какой-нибудь незаконный поступок члена волостного совета, подвергается всевозможным нападкам со стороны волостного Исполкома и последний ищет всевозможные меры к удалению такового со службы». Точку в спорах поставило распоряжение СНК: «С упразднением Уездных Чрезвычайкомиссий вся работа по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем пала на Советскую милицию» [1, с. 19]. Таким образом, милиция была переведена на положение Красной армии и стала вооруженным исполнительным органом Центральной власти на местах.

3 апреля 1919 г. был принят Декрет СНК РСФСР «О советской рабоче-крестьянской милиции». Декрет внес коренные изменения в организацию финансового и материального обеспечения милиции, в соответствии с ним содержание всех видов милиции принималось на государственный счет. Эта мера была направлена: а) на укрепление милиции как специального штатного государственного органа охраны общественного порядка; б) на обеспечение милиции кадрами, на улучшение их качественного состава; в) на повышение эффективности деятельности милиции по охране общественного порядка, прежде всего в области борьбы с уголовной преступностью [15].

11 июня 1920 г. Совет Труда и Оборона (СТО) принимает постановление «О снабжении милиции продовольствием, фуражом и предметами первой необходимости» за счет государственного бюджета [Там же].

Однако уровень финансового и материального обеспечения милиции оставался на крайне низком уровне. Это объяснялось условиями Гражданской войны, хозяйственной разрухой в стране, кризисом хозяйства, которые объективно не могли обеспечить более высокого уровня финансовой и материальной обеспеченности. Милиционеры в этом отношении находились в одинаковых условиях с рабочими и служащими других государственных предприятий и учреждений.

Повысить мизерный оклад сотрудников милиции Коротоякский уисполком пытался за счет сокращения штатов и обратился за разрешением в Воронежский губисполком. На это предложение начальник губмилиции за № 941 от 27 февраля 1920 г. ответил отказом: «Милиция перешла на содержание государства и средства ассигнуются из Государственного Казначейства, из этого следует, что за нерациональный перерасход сумм отвечает Губернское Управление милиции, как второстепенный распорядитель кредитов, а не Уисполком, являющийся третьестепенным распорядителем кредитов.

Штаты, сообщенные по уездам, выработаны Губмилицией на основании данных центра и утверждены Губисполкомом, санкции Уисполкома не требуют» [14, д. 1, л. 214].

Правящая партия стремилась обеспечить ответственные посты советских учреждений своими кадрами. В феврале 1920 г. ЦК РКП(б) направил циркулярное письмо губернским и уездным комитетам партии «О создании действительно коммунистической милиции», в котором указывалось, что «...необходимо рекомендовать на посты начальников милиции надежных коммунистов и неустанно вести партийную и просветительную работу среди милиционеров...» [15]. Реализация указаний ЦК РКП(б) вела к политизации органов милиции, что отразилось, в частности, на ее личном составе.

Таблица 3.

Список ответственных работников Богучарской уездной милиции в августе 1920 г.

№	Должность, Ф.И.О.	Возраст	Образование	С какого времени на данной должности	Ранее занимаемая должность (указать причины переходов)	Род занятия до Октябрьской революции	Парт. принадлежность, с какого времени состоит
1	Начальник Емельяненко Лаврентий Евстафьевич	33	нижнее	С 31 марта с.г.	Начальник прид. района Ворон. губ., переведен на службу в Богучар. в связи с приказом губмилиции	Служил в армии	Член РКП, с 1918 г.
2	Пом. начальника Веремеев Федор Данилович	38	нижнее	С 17 апреля с.г.	Начальник милиции 3 района Богуч. уезда, переведен в помощники начальника согласно приказа уездной милиции	Полковой депутат в старой армии	Сочувствующий РКП, с 1918 г.

№	Должность, Ф.И.О.	Возраст	Образование	С какого времени на данной должности	Ранее занимаемая должность (указать причины переходов)	Род занятия до Октябрьской революции	Парт. принадлежность, с какого времени состоит
3	Завхоз Скоморохин Иван Дмитриевич	27	низшее	С 15 янв. с.г.	Ст. милиционер, переведен в Завхоз по приказу по уездной милиции	Чернорабочий	То же
4	Начальник 1 района Шенцов Федор Назарович	34	низшее	С 16 февр. с.г	Комбат и комполка, уволен по болезни	На службе	То же, с 1919 г.
5	Начальник 2 района Бычков Иван Иванович	26	низшее	С 1 февр. с.г	Служил в Красной армии	На службе	Кандидат ком. ячейки с 1919 г.
6	Начальник 3 района Бондарев Василий Иванович	48	низшее	С 8 июня с.г	Заведующий матер. складом в 353 полку, уволен по болезни	Письмовод	Сочувствующий с 1919 г.

Их характеристика. Всего 6 чел. Возраст – от 26 до 48 лет. Образование у всех низшее. Все имеют отношение к РКП, начиная с 1918 г.: 1 – партийный, 1 – кандидат в партию, 4 – сочувствующих. (Для карьерного роста принадлежность к партии была важным фактором. Единственный член РКП(б) был начальником). В графе «какое общественное положение занимали до Октябрьской революции», которая подразумевала членство в партии или в пролетарских организациях (этот столбец не поместился в таблице), у всех лиц было указано, что «нигде не состояли» [6, д. 17, л. 41].

На службу в милицию принимались преимущественно лица рабочего или крестьянского социального происхождения (желательно отслужившие в армии), что отражено в ее названии. Однако пролетарское происхождение не стало гарантом порядочности и ответственного отношения милиционеров к своим обязанностям.

Яркой иллюстрацией степени доверия населения к представителям власти и милиции является нижеследующий трагикомичный инцидент, описанный в докладе заведующего информационно-инструкторского подотдела 3 июня 1920 г. Это стало возможным по причине частых грабежей в г. Бутурлиновка, причастными к которым граждане считали милицию. Когда приезжие заведующий Политбюро Цивинский, начальник уездмилиции Золотенко и другие милиционеры на станции Бутурлиновка пытались выстрелами задержать подозрительного человека, на шум и крик сбежали разгневанные граждане и набросились на самих преследователей. Те еле сбежали, «...несколько сотенная толпа подошла с лошадьми к Управлению Начальника Угрозыска. Толпа долго не расходилась, пока не была создана комиссия по расследованию этого дела». В работу комиссии «из граждан выделили два человека для разбора этого дела совместно с начальником Угрозыска и Председателем Райисполкома. Представители из граждан приступили к работе с той уверенностью, что весь этот инцидент произошел с большим участием т.т. Цивинского и Золотенко и др. И они дали право народу в том, что если уезд или губерния не примет горячего участия в этом деле, то они поедут с жалобой к т.т. Ленину и Троцкому» [9, д. 177, л. 371].

Власть применяла различные способы для улучшения состава милиции. Одним из них было предание всеобщей огласке неблагоприятных поступков. В газете «Воронежская Коммуна» от 23/1-1922 г. № 214/866 написали о проделке милиционера и местной власти в селе 1-ая Семеновка Верхне-Хавской волости Воронежского уезда: «Начальство задумало ходатайствовать о сложении продналога с семей-красноармейцев, вдов, недосевников и др. Собрало этих граждан, выбрало ходатая – Новикова, милиционера местного. Собрали по 2 миллиона рублей с каждого гражданина, что выразилось в сумме порядочной, на командировку его в Воронеж. Дошёл Новиков до Хавы и обратно вернулся... Тем и кончилось». Деньги гражданам не вернули [7, д. 167, л. 138].

На милицию поступала масса нареканий со стороны граждан, в первую очередь по поводу «лошадиных дел». Они возникали из-за самовольно отобранных лошадей у крестьян белыми, красными или бандитами. Чтобы не загромождать суды, Реввоенсовет Республики издал приказ от 1 февраля 1920 г., по которому обнаруженных лошадей должны были возвращать их владельцам с помощью милиции. На местах приказ не выполнялся, о чем свидетельствовали часто поступающие в народные суды «заявления граждан об отобрании у них лошадей... при чем указывают на лиц, купивших этих лошадей и не возвращающих обратно владельцам их, несмотря на тождественность примет этих лошадей с удостоверением выдаваемых волотделами Управления».

Предгубьюста в своем послании от 15 июня 1921 г. за № 610, адресованному начальнику Калачеевской умилиции, упрекнул его отдел в том, что, несмотря «на неоднократные распоряжения Бюро Юстиции Начальникам районных милиций об исполнении вышесказанного приказа в точности, милиция со всем этим не интересуется и такового не исполняет, предоставляя право пользоваться ограбленным у крестьян лошадьми спекулянтам, покупающим за бесценок у мародеров-солдат красных и белых бандитов...» [13, д. 10, л. 151].

О несоответствии личного состава милиции поставленным задачам докладывал в отдел Управления начальник Бобровской уездной милиции Тимашов: «...надо признать, что охрана революционного порядка уезда в настоящее время стоит не на высоте своего положения. Это объясняется, прежде всего, малым штатом милиции и неуяснением некоторыми членами Рабоче-Крестьянской милиции своих прав и обязанностей... Декабря 10 дня 1920 года» [10, д. 56, л. 1].

Заведующий отдела Управления Воронежского уезда пожаловался в Воронежский укомпарт и в Президиум уисполкома, что невозможно «проводить в жизнь распоряжения как местной, так и центральной власти... так как в составе милиции находятся лица с преступным прошлым, и как умилиция данного состава не признана как таковая то и отдел Управления не находит нужным делать ей какая-либо поручения». И обратился к ним с просьбой «о скорейшем санкционировании постановления уисполкома о реорганизации милиции... Время не терпит. Июля 22 дня 1920 г.» [8, д. 8, л. 49, 49 об.].

Недовольство милицией Воронежского уезда из-за ее конфликта с партийными и членами исполкомов выразило партийное руководство. В циркулярной инструкции (чтобы довести до сведения и других органов милиции) с грифом «совершенно секретно» заведующий политбюро Воронежского уезда упрекал начальника уездной милиции в том, что она вместе с политбюро «занималась слежкой за партийными и ответственными работниками, работающими на местах, выслеживала, кто из членов волисполкома или уполномоченных выпил... всячески доискивались как бы уловить их и иногда были случаи, когда агенты милиции и политбюро по злобе или по своему малосознанию позволяли даже фабриковать обвинение и представлять в суде против ответственных наших товарищей коммунистов и членов волисполкома...». Сам заведующий признавал, что партийные товарищи и члены волисполкома «иногда действительно позволяли себе устраивать маленькие попойки, конечно тайные и незаметные для обывателей». Но, несмотря на такие факты, предписал «о замеченных членах волисполкомов в пьянке не предпринимать погоню, а сообщать в Отдел Управления и Укомпарт о партийных. 2/VI-21 г.» [7, д. 130А, л. 5]. В таком подходе отразилась тенденция неподсудности партийных лиц и представителей власти со стороны милиции.

Вышеупомянутую требуемую реорганизацию милиции в Воронежском уезде провели по приказу Главмилиции № 314-С от 21 октября 1921 года. В ходе реорганизации данный уезд общим народонаселением 305 196 человек был разбит на 4 района. Управление умилиции было подразделено на отделения: 1) общая канцелярия; 2) строевое отделение; 3) хозяйственное; 4) уголовный розыск; 5) политсекретариат; 6) резерв.

Наличный состав служащих умилиции составил: комсостава – 7 чел., административно-хозяйственного – 11 чел, канцелярских служащих – 14, агентов угрозыска – 5, нестроевых должностей – 9, старших милиционеров – 35, младших – 57 (всего 138 чел. – Н. А.).

Конная связь с уездом совершенно отсутствовала [Там же, д. 199, л. 90, 91].

«Все винтовки иностранного образца были заменены на русские. Винтовки находятся в крайне запущенном состоянии в связи с отсутствием принадлежности для их чистки...»

Особенно сильно отражался на ходе работ хозяйственного отдела недостаточный отпуск денежных средств, вследствие чего служащие умилиции жалованье за прошлые месяцы март и апрель (1922 г.) совершенно не получали» [Там же].

В ходе реорганизации органов милиции параллельно проводили «чистку» кадров. «За период с 1-го декабря 1921 г. по 15 мая 1922 г. при производстве чистки выяснилось, что 50% всех служащих умилиции негодный элемент, все они увольняются, из них приблизительно 8% предаются суду» [Там же, л. 91 об]. «Чистка» кадров милиции Воронежского уезда положительно отразилась на статистике преступлений, которая за период с 1-го декабря 1921 г. по 15 мая 1922 г. была следующей: «Разного рода преступлений уголовного характера было заявлено – 1047, из коих раскрыто – 922, не окончено – 125». Таким образом, 88% преступлений милицией было раскрыто. Это высокий показатель работы милиции Воронежского уезда.

Из вышеупомянутых 1047 преступлений всего было заявлено: простых краж – 526, краж со взломом – 226, разнородных краж – 76, конокрадств – 57, убийств – 37, вооруженных грабежей – 7, покушений на убийства – 6, грабежей простых – 2, расхищение имущества – 1 и проч. преступлений уголовного характера – 109. Из совершенных преступлений большую часть составляли хищения [Там же].

В ведении уездной милиции находились арестные дома. О крайне антисанитарных условиях арестного дома, находящегося в г. Калаче, было засвидетельствовано в акте обследования от 25 апреля 1921 года [13, д. 10, л. 71, 71 об.].

На 1 октября 1921 г. в личном составе губмилиции находились: комсостав (командирский состав) – 136, милиционеров – 1712, агентов уголовного розыска – 79, административно-хозяйственный состав – 168, канцелярских и прочих служащих – 383. Всего: 2478 чел.

Для окарауливания фабрик, заводов и других государственных и хозяйственных учреждений всего в количестве 553, в среднем по три поста на каждое предприятие, т.е. всего 1659 постов [16, с. 55].

К ноябрю 1922 г. штат Воронежской губмилиции уменьшился на 19 чел. и составил 2 459 человек.

Разделение штата по уездам:

а) Управление губмилиции	547
б) Воронежская умилиция	137
в) Землянская	122
г) Задонская	100
д) Нижне-Девичья	104
е) Коротояжская	102
ж) Острогожская	198
з) Алексеевская	147
и) Валуйская	125
к) Богучарская	129
л) Бобровская	247
м) Новохоперская	198
н) Калачеевская	164
о) Павловская	139

Всего: 2459 чел.

Разделение штата по должностям:

а) комсостава	133
б) администр.-хозяйств. состава	152
в) агентов	75
г) политруков	10
д) канцелярских и проч.	496
е) милиционеров старш. конных	383
ж) милиционеров младш. конных	575
з) милиционеров старш. пеших	172
и) милиционеров младш. пеших	463

Всего: 2459 чел. [5, д. 185, л. 35, 35 об.].

Структура губернской милиции за 5 лет ее существования менялась неоднократно коренным образом (приказы начальника милиции Республики № 6 от 1 августа 1920 г., 119/с от 8... 1921 г. и 314/с от 12 октября 1921 г.). К ноябрю 1922 г. губмилиция делилась на 13 уездно-городских милиций (по числу уездов губернии), Воронежскую городскую милицию и школу милиционеров. Управление Воронежской городской милиции в середине 1922 года было упразднено и слито с управлением губмилиции с санкции начальника милиции Республики. Уездно-городские милиции делились на районы следующим образом:

а) Воронежская городская милиция	3 отделения
б) Воронежская умилиция	4 района
в) Землянская	4 района
г) Задонская	4 района
д) Нижне-Девичья	3 района
е) Коротояжская	3 района
ж) Острогожская	6 районов
з) Алексеевская	4 района
и) Валуйская	4 района
к) Богучарская	3 района
л) Новохоперская	7 районов
м) Калачеевская	3 района
н) Павловская	4 района

Всего районов – 49, отделений – 3 [Там же, л. 36, 36 об.].

Аппарат Управления губмилиции делился на 4 отдела: административно-строевой отдел, политический секретариат, отдел снабжения, общий отдел.

После слияния управления гормилиции с губмилицией при Управлении последней образован общий отдел Управления. Уездно-городская милиция построена параллельно структуре управления губмилиции [Там же].

В отчете отдела Управления за период с 1 декабря 1921 г. по 1 ноября 1922 г. Воронежскому губернскому съезду XI созыва говорилось о деятельности милиции и ее специфике: «Тяжелые условия работы в милиции были обусловлены тем, что Милиция до последнего момента, до приказа начальника милиции Республики № 467 от 9 декабря 1921 г. не могла выявить существо своего назначения, не имела точно очерченного круга обязанностей, который временами то расширялся, то суживался, в силу ряда постановлений Центральных органов власти. Распоряжения местных властей еще более искажали смысл назначения Милиции и таковая в продолжении 4 лет исполняла какую угодно работу, включительно до боевой. Тем не менее, отбросить все чуждые ее компетенции задания Милиции не удастся и она сплошь и рядом отвлекается от своей Административной работы то на борьбу с бандитизмом, то на подработку, то на проведение целого ряда других кампаний и пр.» [Там же, л. 36 об., 37].

Личный состав характеризовался следующим образом. Командный и административно-строевой состав губернской милиции к 1 ноября 1922 г. был признан соответствующим своему назначению на 60%. За 1922 г.

«удалось комсостав значительно обновить, явно преступный и неблагонадежный элемент изъять и заменить более здоровыми силами» [Там же, л. 37 об.].

Для лиц, прибывающих со стороны и желающих занять в милиции командные должности, специально была учреждена Аттестационная комиссия, «где таковые тщательно фильтруются, подвергаясь испытанию по всем отраслям». За 1922 год Аттестационная комиссия забраковала и отклонила 35 заявлений из поданных 89 [Там же].

Кадр младших милиционеров лишь только в 1922 году стал более или менее постоянным, после целого ряда «чисток», в ходе которых из рядов милиции было изъято свыше 500 чел. «Состав милицейской массы окончательно освободился от чуждого ей элемента, примазавшегося к Милиции в период Гражданской войны и в настоящий момент таковой можно назвать более или менее здоровым» [Там же].

В связи с недостаточностью финансового и продовольственного обеспечения сотрудников милиции, их семей и вообще ввиду материальной слабости милиции в целом работа по созданию прочного кадра милиционеров и даже комсостава была крайне затруднительной. «Экономическая необеспеченность не только не привлекает желающих работать в рядах милиции, но создает весьма сильную текучку со службы... Приходится напрягать большие усилия, дабы удержать стремящихся уйти со службы и заставить их работать, не останавливаясь даже перед строгими репрессиями» [Там же, л. 37 об., 38]. Однако некомплект состава явился причиной временной приостановки «чистки» рядов милиции.

В феврале-марте 1922 г. некомплект сотрудников составлял 114 чел., к сентябрю 1922 г. некомплект увеличился до 261 чел. [Там же].

Количество партийных в губмилиции к октябрю 1922 г. составило 223 чел. из 2 459 чел., что равнялось 9,1% [Там же, л. 41].

Административная служба милиции тесно переплеталась с уголовно-розыскной деятельностью, тяжесть которой, несмотря на отделение розысков (об этом ниже), продолжала лежать на милиции. Учитывая положение губернии в отношении уголовного бандитизма, «Губмилиция вынуждена была держать на территории Губернии объединенные милицейские боевые единицы почти при каждой уездной Милиции, довольно значительные по количеству, собранные за счет милиционеров с волостей, что, безусловно, ненормально». Кроме того, милиционеры оказывали содействие местным органам власти в проведении продналоговой кампании [Там же, л. 38].

На губернском съезде XI созыва за период с 1 декабря 1921 г. по 1 ноября 1922 г. была дана хорошая оценка работе милиции: «...несмотря на тяжелые условия, работает вполне успешно. В частности, работа милиции г. Воронежа за последний период сосредотачивалась на упорной борьбе по ликвидации пьянства, азартных игр и рецидива и за короткий период времени дала самый хороший результат» [Там же].

Работа милиции г. Воронежа за 1922 г.: произведено дознаний: о кражах – 1095, об утере документов – 1005, об антисанитарии – 314, о разрушении зданий – 103, о нарушении общественного порядка – 82, о пьянстве – 71, о торговле спиртными напитками – 40, об азартных играх – 38, о торговле казенным обмундированием – 34, об убийствах – 33, о мошенничестве – 25, о вооруженных нападениях – 15, о торговле табаком – 12, о расхищении народного достояния – 10, разнородных – 974. Всего – 3850. Из них: по заявлениям граждан произведено – 2234, по инициативе милиции – 1416, по поручению органов Губисполкома, Ревтрибунала и других – 200.

Количество произведенных обысков: по заявлениям отдельных лиц – 42, по инициативе милиции – 33, по поручению др. ведомств – 18. Итого – 93.

Обыски дали положительные результаты – 41 случай, отрицательные – 52 случая.

За отсутствием на местах нарследователей было произведено 31 следствие. «С выходом в свет Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов работа Милиции значительно усложнилась, но работники Милиции постепенно с таковыми осваиваются и придают работе строго законом обоснованный характер» [Там же, л. 38, 38 об.].

Конная милиция в количестве 226 чел. была распределена в 13 уездах Воронежской губернии следующим образом:

Воронежском	10
Задонском	4
Землянском	6
Нижнедевицком	15
Коротоякском	10
Острогожском	38
Верхне-Валуйском	25
Алексеевском	10
Богучарском	23
Павловском	16
Новохоперском	15
Бобровском	30
Калачеевском	15
Всего: 226 чел.	

В ликвидации банд на территории губернии сыграли крупную роль милицейские конные отряды, что неоднократно отмечалось в приказах губполитотдела и командующих войск.

Количество награжденных боевыми наградами: комсостава – 3 чел., милиционеров – 12 чел. [Там же, л. 39].

С улучшением хозяйственного положения с января по октябрь 1922 г. количество совершенных преступлений с каждым месяцем понижалось: «в январе насчитывается 2 162 преступления, а в октябре всего лишь 750» [Там же, л. 43 об.].

Таблица 4.

**Преступления, имевшие место в Воронежской губернии
за отчетный период с 1 декабря 1921 г. по 1 ноября 1922 г.**

Вид преступления	Зарегистрировано	Раскрыто
Дезертирство	202	131
Простые кражи	3372	398
Кражи со взломом	1196	721
Кражи карманные	309	115
Багаж, груз и имущество	37	33
Кражи животных	2120	722
Простые грабежи	159	102
Вооруженные грабежи	201	119
Покушения на убийство	78	52
Убийства	429	305
Присвоение и растрата	452	271
Подлоги	161	68
Мошенничество, подлог и вымогательство	354	219
Подделка денежных знаков	35	10
Подделка документов и бумаг	137	107
Преступлений по должности	340	210
Спекуляции и мародерство	90	82
Винокурение и торговля спиртом	256	244
Другие преступления	2003	1282
Всего:	11931	5191

Из Таблицы 4 следует, что количество раскрытых милицией преступлений за указанный период составило 44%. Это немного ниже среднего уровня.

Число задержанных в губернии – 8576 чел. Из них: мужчин – 7275 чел., женщин – 895 чел., подростков – 406 чел. Более половины всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества, совершенные разными способами [Там же].

Уголовный розыск, бывший ранее отделом губмилиции, по приказу НКВД от 10 апреля 1922 года за № 57 вышел из подчинения начгубмилиции и сделался самостоятельным подотделом отдела Управления. Это привело к тому, что «розыски значительно ослабели, обескровились и замкнули свою работу в пределах тех городов, где находятся их правления. Розыскные работы по губернии в целом, т.е. гл.о. по волостям, лежали и продолжают лежать всей тяжестью на милиции, ибо Уголовные розыски своими средствами и своим аппаратом охватить губернию в целом при всем желании не сумели и не могут» [Там же, л. 39 об.]. Для продуктивности работы на основании постановления Президиума губисполкома от 10 октября 1922 г. уголовный розыск снова вошел в Управление губмилиции.

Таблица 5.

Уголовно-розыскная работа по губернии за 1922 г.

Наименование месяца	Контрревол.	Бандитизм	Вооруж. ограбления	Убийства уг. характера	Самубийства	Обнар. групп	Круп. кражи	Мелк. кражи
Январь	1	3	264	68	17	66	545	354
Февраль	4	13	53	86	13	31	190	516
Март	-	10	32	75	11	61	439	524
Апрель	1	16	32	37	32	126	453	479
Май	-	-	30	94	25	107	397	474
Июнь	-	6	47	120	28	118	352	684
Июль	-	-	33	67	18	79	180	597
Август	-	-	32	47	10	25	117	478
Сентябрь	-	3	31	35	13	13	108	392

С улучшением экономического положения количество преступлений пошло на убыль.

В борьбе с уголовным и политическим бандитизмом в 1922 г. погибло: комсостава – 8 чел., ст. милиционеров – 11 чел., мл. милиционеров – 42 чел., агентов уголовного розыска – 3 чел. Итого – 64 чел. [Там же, л. 39 об., 40].

Наличный состав уголовного розыска Воронежской губернии в течение 9 месяцев, начиная с X-го Губсъезда Советов с декабря 1921 г. по 1 ноября 1922 г., состоял из 30 человек в губернском городе и из 8 человек в каждом

уездном, всего 134 чел., включая канцелярию. «Безусловно штат очень и очень малый, принимая во внимание обширность и численный состав населения Воронежской губернии» [Там же, л. 42 об.]. (Для справки: по данным М. Владимирского, население Воронежской губернии к июню 1921 г. составляло 3 062 752 чел. [2, с. 28].)

С 1 октября 1922 г. по разрешению Центра этот штат был значительно увеличен: в губернском городе – до 53 чел., а в уездных – до 12, что по губернии в целом составило 192 человека.

Губрозыск в области регистрации и розыска преступников широко применял дактилоскопию и фотографию, вел точный учет преступного элемента, регистрировал притоны, использовал сеть осведомителей.

Во исполнение распоряжения Центрозыска была произведена «чистка» сотрудников, в результате которой было уволено со службы в Управлении губрозыска десять человек. Партийный состав работников таков: членов РКП(б) в губернском городе – 7 чел., в уездах – 26 чел., всего – 33 чел., что составляет 17,2% [5, д. 185, л. 43]. «Контингент сотрудников предположено создать в большинстве из членов РКП(б)» [Там же, л. 39 об.].

«Средствами к существованию Уголовный Розыск располагал весьма ограниченными, ему было отпущено на губернию всего лишь 508 000 000 руб., не считая ассигновок на работу секретно-осведомительного аппарата; сказанная цифра 508 000 000 руб. сама говорит за себя, в смысле ее незначительности.

Материальное довольствие отпускалось Розыску Отделом Снабжения Губмилиции» [Там же, л. 43].

Количество средств передвижения было крайне мизерным: в губернском городе – 1 мотоцикл, 1 легкой экипаж, 1 повозка, 2 лошади; в уездах же собственных средств передвижения вовсе не имелось.

За период с 1 декабря 1921 г. по 1 ноября 1922 г. по губернии было зарегистрировано преступлений 13 391, из них уголовным розыском раскрыто 8 074, что составляет 60%. Это выше среднего уровня [Там же]. По сравнению с милицией на 16% раскрытых преступлений больше. Объяснить это более высоким материальным обеспечением не приходится, т.к. и милиция, и уголовный розыск обеспечивались одинаково скудно. Причина связана с более качественным личным составом уголовного розыска. К примеру, в рядах уголовного розыска состояло 17,2% членов РКП(б), а в рядах милиции – 9,1%. Также выше упоминалось, что 40% состава милиции негодны к службе.

С переходом страны на мирное строительство коренным образом изменились методы в работе милиции, потребовавшие определенных знаний, тактичности, порой даже дипломатичных подходов для разрешения того или иного вопроса. Губмилиция поставила своей главной задачей создание высококвалифицированного милиционера-специалиста с помощью введения системы обучения милиционера, что при крайней распыленности милиции и перегруженности работой было очень тяжело. Главным опорным пунктом в этой области явилась школа милиционеров при губмилиции, которая дала 2 выпуска (1-й – в 39 чел. и 2-й – в 34 чел.), всего – 73 человека, вполне подготовленных работников. Наличие опытного преподавательского состава, пособий и инструкции должно было сыграть главную роль в деле обучения милиции.

Политико-просветительная работа за 1922 год всего с января по сентябрь: партийных собраний проведено 229, общих собраний – 164, митингов – 290, лекций – 324, субботников – 59, спектаклей – 128.

Кроме того, в 1922 году был оборудован и открыт клуб милиционеров при Управлении губмилиции. Количество библиотек Губмилиции равнялось 14 и количество книг в них – 6 256 [Там же, л. 40].

Таблица 6.

**Вооружение губмилиции по состоянию на 15 ноября 1922 г.
(винтовки и револьверы преимущественно русские, в основном старых образцов)** [5, д. 185, л. 42]

Винтовки	Револьверы
Русские пехотные – 1773	Системы Наган русские – 469
Системы Вердена пехотные – 313	Кольта – 7
Австрийские – 207	Маузер – 1
Германские – 9	Браунинг – 200
Витерия – 15	Бульдог – 12
Гра – 15	Смит Биссов – 36
	Лероше – 14
	Парабелла-Отэер – 3

Всего винтовок было 2 332 шт., револьверов – 742 шт. Если исходить, что весь личный состав милиции составлял 2 459 чел., то винтовками были обеспечены 95%, револьверами – 30% милиционеров. Средний процент обеспеченности вооружением составил 62,5%.

Таблица 7.

Ставки работникам милиции за 1922 год [Там же, л. 42 об.]

Наименование должности	Январь	Март	Июнь	Июль	Сентябрь
Мл. милиционер	44 100	1 100 000	2 750 000	3 990 000	12 960 000
Ст. милиционер	117 609	1 600 000	4 500 000	6 530 000	19 440 000
Начрайона	142 100	2 400 000	6 000 000	8 700 000	24 300 000
Начумилиции	191 100	4 400 000	11 000 000	15 950 000	29 970 000
Нач. отдела	191 000	4 400 000	11 000 000	15 950 000	29 970 000

В Таблице 7 указаны месяцы, в которых происходило повышение окладов, чтобы как-то «догнать» стремительно растущие в условиях нэпа цены «вольного рынка». Повышали не всем одинаково, а таким образом, чтобы привести к уменьшению разницы в окладах старшего и младшего милиционеров. В январе 1922 г. оклад старшего милиционера был больше оклада младшего милиционера в 2,7 раза, в марте – в 1,5 раза и т.д.

Оценить покупательную способность окладов позволят местные рыночные цены в феврале 1922 г.: «На хлеб за пуд до 2-х миллионов руб., на мясное от 17 до 20 тысяч руб. за фунт, на молоко до 60 тысяч кувшин, картошки 400-500 тысяч руб. за пуд» (*1 пуд = 16,38 кг – Н. А.*) [11, д. 130, л. 14, 14 об.].

Рассмотрим перечень обеспеченности Воронежской милиции обмундированием в %-м выражении по состоянию на 1 ноября 1922 г. Данный перечень составлен таким образом, что расположение наименований в убывающем порядке наглядно показывает наиболее проблемные из них:

Ватные шаровары	100%
Ватные полупальто, телогрейки	85%
Шапки	60%
Белье холодное	63%
Шинели	53%
Белье теплое	50%
Обувь холодная	48%
Плащи	44%
Фуражки	36%
Перчатки	35%
Летние шаровары	20%
Полушубки	19%
Валенки	17%
Гимнастерки	15%
Постельная принадлежность	9%
Походные рубахи	0,2%
Суконные шаровары	0,1% [5, д. 185, л. 42].

Совокупный средний показатель этого списка равняется 38,5%, что свидетельствует о низком уровне материального обеспечения милиции Воронежской губернии.

На Воронежском губернском съезде XI созыва в декабре 1922 г. главным тормозом в работе милиции было названо «чрезвычайно скудное материальное положение как милиции в целом, так и сотрудников ее в частности», которое «ставит милиционера в невероятно тяжелые условия и создает среди милицейской массы тенденцию массового ухода со службы» [4, д. 185, л. 41 об.]. Цель, преследовавшаяся переводом содержания милиции на государственный бюджет для обеспечения успешной борьбы с преступностью, достигнута не была. Да и не могла в условиях Гражданской войны, когда все крайне скудные экономические ресурсы государство направляло на поддержание боеспособности армии.

Перевод содержания милиции и уголовного розыска на средства местных органов власти был проведен в рамках мероприятий по сокращению государственных расходов. В связи со снятием милиции с государственного снабжения и переходом на местный бюджет с ноября 1922 г. «положение в этой области становится почти катастрофическое». «Снятая с госснабжения милиция снята с продпайка и единственным ресурсом существования работника милиции становится его мизерный оклад жалованья», который выдавали неаккуратно, с перебоями [Там же].

Таким образом, анализ источников показал, что ставка на «революционное сознание и творчество масс» в силу ряда факторов не оправдало в полной мере ожидания политической элиты. Одними из серьезных проблем, затруднивших развитие новых органов правопорядка в Воронежской губернии в годы Гражданской войны, были недостаточная профессиональная подготовленность и не соответствующие статусу личные моральные качества милиционеров, неудовлетворительное материальное положение работников милиции, низкая материальная и финансовая обеспеченность органов и др.

Как показывает исторический опыт, в условиях нестабильности государства местные органы власти не могут выступать самостоятельными источниками финансирования органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, тем более что это может спровоцировать необоснованное вмешательство первых в деятельность вторых.

Исследование показывает, что советская милиция в годы Гражданской войны не являлась аполитичным органом и наряду с охраной общественного порядка использовалась также в борьбе против контрреволюции. С первых лет существования советской милиции стоял вопрос степени ее зависимости от местной партийно-государственной власти.

Список литературы

1. Вестник Воронежского Губернского Отдела Управления. 1919. № 6.
2. Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. М., 1921. Вып. II.
3. Воронежский красный листок. 1918. 22 августа.
4. Воронежский красный листок. 1918. 11 сентября.
5. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-4. Оп. 1.

6. ГАВО. Ф. Р-4. Оп. 2.
7. ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1.
8. ГАВО. Ф. Р-118. Оп. 1.
9. ГАВО. Ф. Р-165. Оп. 1.
10. ГАВО. Ф. Р-466. Оп. 1.
11. ГАВО. Ф. Р-484. Оп. 1.
12. ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1.
13. ГАВО. Ф. Р-800. Оп. 1.
14. ГАВО. Ф. Р-1136. Оп. 1.
15. **История МВД России. 1917-1940** [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/history/1917_1940 (дата обращения: 04.06.2015).
16. **Первый отчет Воронежского Губернского экономического совещания (на 1 октября 1921 г.)**. Воронеж: 2-я Советская типография, 1921.
17. **Становление воронежской полиции** [Электронный ресурс]. URL: <https://36.mvd.ru/Dejatelnost/Sluzhba/history> (дата обращения: 05.05.2015).

FORMATION AND ACTIVITY OF THE SOVIET MILITIA OF VORONEZH PROVINCE IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR (1917-1922)

Aleksanyan Nelli Arushanovna
Voronezh State Pedagogical University
edelweis65@yandex.ru

The article examines the formation and activity of the Soviet militia of Voronezh province in the years of the Civil War (1917-1922). The characteristics and provision of the staff, the nature of the interaction with the bodies of power are under analysis. The author evaluates the degree of the confidence of the population in the militia, identifies the subjective and objective factors, which influenced negatively on its activity. The paper discovers the dependence of the Soviet militia on the sources of financial and material provision.

Key words and phrases: The Civil War; social order; militia; criminal investigation department; staff; crime.

УДК 792.01+929

Искусствоведение

Статья посвящена расширению концепции постдраматизма в теории Х.-Т. Лемана. Анализ наследия «анти-драматических» тенденций XX века в постдраматическом театре демонстрирует его оппозиционность не только традициям драматического, но и натуралистического театра, что позволяет рассматривать постдраматический театр как биполярное развитие условного театра, воплощающего иную реальность качественно изменённым сценическим языком, свойственным диалектическому процессу.

Ключевые слова и фразы: постдраматический театр; постбрехтовский и постмейерхольдовский театр; эстетика абсурда; дада; сюрреализм; постмодернизм.

Алесенкова Виктория Николаевна, к. искусствоведения
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alesenvic@gmail.com

ЭСТЕТИКА ЭПИЧЕСКОГО ТЕАТРА БРЕХТА, АБСУРДА И ПОСТМОДЕРНИЗМА В ПОСТДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ[©]

«Ре-театрализация» на европейской сцене начала XXI века приняла форму протеста и тенденциозной атаки на традиционные принципы драматического театра. В этом смысле теория постдраматизма Ханса-Тиса Лемана представляется адекватной оценкой театрального процесса, поскольку, по убеждению немецкого исследователя, эстетика постдраматического театра зиждется как бы на трёх китах анти-драматического движения – эстетике эпического театра Брехта, эстетике театра абсурда и эстетике постмодернизма. Однако анализ унаследованных постдраматическим театром традиций позволяет расширить парадигму постдраматизма, обозначенную Леманом.

Поскольку модернизм, в большей степени, отождествляется с созидательным освоением искусством новых пространств и смыслов за пределами рационального, мыслится неким универсальным принципом вертикального расширения сознания, проявленного в искусстве независимо от временных рамок, то постмодернизм, хотя и рассматривается в теории искусства достаточно разноречиво – как оппозиция модернизму (Ж. Дерридой), как продолжение модернизма (У. Эко), как поглощение модернизма (Ж.-Ф. Лиотаром), как трансгрессивная практика (С. Шлыкковой) и т.д. – в основном подразумевает деструктивное начало в качестве доминанты и является

своеобразным протестом против действительности. Если у модернизма, считают исследователи Н. Новикова и И. Трёмаскина, «была некая проекция в будущее, у постмодернизма этой обращённости в будущее нет» [5, с. 19].

Постдраматический театр, если его рассматривать в постмодернистском аспекте, «следует понимать, как развёртывание и расцвет некоего потенциала распада, демонтажа и деконструкции, уже заложенного в самой драме» [3, с. 71]. На практике постдраматическому театру знакомы все многочисленные характеристики постмодернизма, признаётся Леман: «двузначность; прославление театра как процесса; разрушение непрерывности; гетерогенность; не-текстуальность; плюрализм; возможность многочисленных кодов прочтения; подрывной характер; многообразные места действия; перверсия; актёр, взятый как тема и главная фигура; деформация; деконструкция; текст, которым пренебрегают; перформанс как нечто третье между драмой и театром» [Там же, с. 42] и т.д. В то же время, «постдраматический» противопоставляется Леманом категории «постмодернистский» тем, что «представляет собой конкретную проблематику театральной эстетики» [Там же, с. 34], как констатацию возникшей трудности художника «сформулировать себя с помощью драматической формы» [Там же]. Таким образом, понятие «постмодернизм» не охватывает всех процессов в искусстве театра, тем более не является его полноценной характеристикой, поэтому у Лемана возникает необходимость более глубокого исследования, в ходе которого он высказывает мысль, что «постдраматический театр – это театр постбреховский» [Там же, с. 54].

По всей видимости, Леман опирается в своём заявлении только на теорию эпического театра (изложенную в «Малом органоне для театра» и других публикациях Б. Брехта), которая, главным образом, воспринимается как оппозиция драматическому (аристотелевскому) театру, и не упоминает режиссёрские эксперименты знаменитого соотечественника. Ссылаясь на А. Вирта, Леман отмечает: «Брехтовская теория имплицитно показывает, что высказывание в театре возникает благодаря равномерному участию вербальных и кинетических (жестовых) элементов, а вовсе не имеет исключительно литературной природы» [Там же, с. 53], что позволяет ему признать Брехта предтечей новой театральной эстетики. Однако в отличие от брехтовского, новый театр, по мнению Лемана, «отбрасывает прочь политический стиль, тенденцию к догматизации и акцент на рациональное начало» [Там же, с. 54]. Следует пояснить, говоря о «политическом стиле», что театр Брехта не был агитационным или пропагандистским, а скорее наоборот – анти-политичным. В его задачи входило «дисциплинировать ум» зрителя, пробудить, по выражению К. Рудницкого, «трезвую силу холодного, аналитического разума» [7, с. 290], чтобы противостоять любому политическому одурманиванию сознания, идеологическому программированию, вынесенному из опыта ложного патриотизма нацистской Германии. Апеллировать не к чувству, а к разуму зрителя, Брехта побудило желание усовершенствовать театр, руководствуясь фактором позитивного критического подхода, подобно тому, как критическое отношение к реке заставляет изменить её русло, а критическое отношение к плодovому дереву заставляет делать ему прививку [1].

Вопреки бытующему мнению, Брехт не был идеологом такого театра, форма которого бы явно противоречила законам драмы. Являясь драматургом своих постановок, он был лишён оснований вступать в противоречие с самим собой, но его пьесы уже были результатом пересечения смысловых пространств с автором, к сюжету которого он обращался. Как бы ни казалась оригинальной и неповторимой теория эпического театра, в режиссёрской практике Брехт, заново открывая и оттачивая новые грани, двигался в направлении того, что уже было изложено в теории как концепция условного театра и воплощено на практике Вс. Мейерхольдом. Брехтовский «эффект очуждения», позволяющий актёрам представлять своего персонажа на суд зрителя, а не вживаться в роль; разделение спектакля на фрагменты отдельных сцен «зонгами», не ломая при этом общей фабулы, но чередуя нарративность с языком жестов и музыки, чтобы позволить зрителю сформировать суждение, а не увлечься со-переживанием – больше напоминают протест против натуралистического, а не драматического театра. У Мейерхольда – «зритель ни минуты не забывает, что перед ним актёр, который *играет*, а актёр – что перед ним зрительный зал, а под ногами – сцена» [4, с. 145].

Уникальность Брехта-новатора заключается в том, что, творчески соединив в себе драматурга и режиссёра, он сумел сохранить (в отличие от других драматургов-постановщиков) способность критически относиться к собственным текстам, продолжая их совершенствовать и интерпретировать в сценическом воплощении уже другим языком – языком невербальных метафор. Поэтому «постбрехтовский» – в трактовке Лемана, как *после* Брехта, но сохраняющий с ним связь – не может относиться к Брехту-драматургу, потому что это бессмысленно, но только к Брехту-режиссёру. Именно эту связь подразумевали, говоря о Ю. Любимове как о преемнике брехтовского метода после известной постановки в Московском театре на Таганке «Доброго человека из Сезуана» в 1964 году, и в этом смысле театр Любимова можно с полным основанием назвать постбрехтовским.

В театре на Таганке под руководством Ю. Любимова, подход к любому материалу (не только к текстам Брехта) резко отличался от традиционного натуралистического. Удивляла «необычайная свежесть и самостоятельность любимовской режиссуры, <...> бесконечно изобретательной, смелой, находчивой» [7, с. 296]. Впитав с Вахтанговской школой синтез идей Станиславского и Мейерхольда, Любимов в режиссёрской практике демонстрировал новый виток развития условного театра в гармоничном сочетании с драматической игрой актёров, что не только наводило на мысль о постмейерхольдовском театре, но и протягивало нити преемственной связи от Мейерхольда к Брехту. «Вся система политического театра Брехта, без сомнения, связана с русской мейерхольдовской традицией, с опытом и исканиями Мейерхольда» [Там же, с. 292], – писал известный театровед К. Рудницкий.

Опираясь в своих рассуждениях на приверженность Мейерхольда и Любимова к форме «спектаклей-обозрений», сложившейся в период постановок, посвящённых произведениям поэтов (Мейерхольд ставил